

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ИВАНОВА

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской
академии наук
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tgivanova@inbox.ru

ОБРАЗ МОСКВЫ В РУССКОМ ЭПОСЕ И БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

А н н о т а ц и я . Центральным локусом в былинах, к которому устремляются все богатыри, как известно, является Киев. Москва в эпическом пространстве занимает периферийное место. Тем не менее этот топоним, судя по Указателям географических имен в томах серии «Былины» Свода русского фольклора, занимает хотя и не ведущее, но все-таки довольно заметное место. Целью данной статьи является объемное описание роли Москвы в былинах, что до сих пор не было предметом специального рассмотрения в фольклористике. Указывается, что в песенно-эпической традиции имеются поздние сюжеты, в которых коллизия развивается не в киевском пространстве, а в московском («Наезд литовцев», «Рахта Рагнозерский»). Исследуются попытки в некоторых текстах вписать классические былинные сюжеты в «московскую эпоху». Равным образом отечественное былиноведение не имеет системного осмысления малочисленных записей эпических песен в Московском регионе, который никогда не привлекал внимание фольклористов. Былинная традиция Московского региона в исследовании рассматривается как дочерняя по отношению к былинам Владимиро-Суздальской Руси. Отмечается, что в данном регионе былины записывались в основном не в деревнях, а в городах (Москва, Коломна), а носителями эпической традиции были не крестьяне, а городские мещане.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Москва, былины, былинные метрополии, Московский регион, записи былин

Д л я ц и т и р о в а н и я : Иванова Т. Г. Образ Москвы в русском эпосе и былинная традиция Московского региона // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 100–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1064

ВВЕДЕНИЕ

Касаясь пространства в былинах, С. Ю. Неклюдов сделал некоторые важные замечания: «Основным элементом материальной структуры эпического государства являются города, среди которых можно выделить центральные и периферийные» [7: 38]. Города связаны только с русским пространством; «чужое» пространство дается в обобщенном виде, без выделения центра и периферии.

«Подобно тому, как у былинного времени нет аграрной окрашенности, пространство там также по преимуществу городское. Оно имеет облик средневекового феодального города-крепости, окруженного стенами, за которыми располагается потенциально враждебное поле, где в любой момент может появиться враг и где дозором стоят сторожевые заставы. Именно городское пространство оказывается детализированным: былина дает подробные реестры составляющих его частей (мостовые, улочки, переулочки, стены, ворота, дворы, церкви, терема, крылечки, двери и пр.), и за редким исключением персонажами здесь являются городские жители» [7: 41].

Несмотря на то что *Москва* явно не стоит в центре былинного мира, положения, высказанные С. Ю. Неклюдовым, полностью ложатся на образ этого города в былинах.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть два разных, но внутренне взаимосвязанных вопроса: 1) образ Москвы в русском эпосе; 2) былинную традицию Московского региона.

ОБРАЗ МОСКВЫ В БЫЛИНАХ

Очевидно, что Москва в песенно-эпическом сознании русских крестьян занимает гораздо меньшее место, чем Киев. Указатели географических имен в томах серии «Былины» Свода русского фольклора свидетельствуют, что на Пинеге, например, *Москва* зарегистрирована только в восьми былинах; на Мезени – в двух текстах; на Печоре – в четырех; в Западном Поморье – в двух. На Кулое *Москва* не зафиксирована. Правда, на соседнем Зимнем берегу Белого моря этот топоним отмечен в восьми былинах, а если прибавить тек-

сты Марфы Крюковой – еще в 30. На Пудожье зарегистрировано 45 былинных текстов с топонимом *Москва*. В Сибири *Москва* встретилась в двух былинных текстах. Как бы то ни было, эти количественные показатели, без сомнения, свидетельствуют о том, что активное (сущностное) развитие былин прекратилось до времени выдвижения удельного Московского княжества на первые роли в русской истории, то есть до XIV века.

В осмыслении Москвы былинным миром мы можем отметить две тенденции. Первая – это создание сюжетов (поздних сюжетов), в которых коллизия развивается не в киевском пространстве, а в московском. На исходе формирования жанра былин, то есть в XIV веке, возник сюжет «Наезд литовцев». Это единственная былина, в которой по замыслу создателей вражеская угроза направлена не на Киев, а на Москву. Соответственно племянники короля Литовского собираются войной на Москву: «Поедем, братец, на *Святую Русь* / Под матушку *каменну Москву*» (Былины Пудоги, № 540, ст. 86–87; см. также: ст. 92, 98, 114, 118, 158, 187, 205) (см. Список сокращений в конце статьи. При ссылках на тексты былин указываются номер текста и стихи). См. другие пудожские былины «Наезд литовцев»: Былины Пудоги, № 545, ст. 54, 62, 118, 121, 122, 139, 144, 161, 181, 197, 217, 226, 251, 386, 396; № 546, ст. 15, 16. Помимо *Москвы* в сюжете «Наезд литовцев» упоминаются *рубежи Московские* (Былины Пудоги, № 540, ст. 104, 144, 173, 208, 237; № 545, ст. 172, 173, 208, 209, 272; № 551, ст. 172, 175, 224, 251, 254, 266).

В Москве происходит действие еще более поздней былины – «Рахта Рагнозерский» [10]. Этот сюжет сложился на Пудогe в районе Рагнозеро: «неверный» борец приезжает в Москву и требует себе поединщика; мужики-«балахонники» говорят, что с борцом мог бы справиться Рахта Рагнозерский; посылают гонца в деревню Рагнозерскую; Рахта на лыжах отправляется в Москву; побеждает «неверного» борца; просит в награду, чтобы без его дозволения никто не ловил рыбу в его озерышке. См.: Былины Пудоги, № 567, 568, 570, 572, 573, 574; Гильф., № 11; сюжет известен в прозаическом виде в форме предания: Былины Пудоги, № 575, 575, 577, 579, 580, 581, 584, 585, 586.

Вторая тенденция в осмыслении образа Москвы в русском эпосе – попытки в некоторых текстах вписать классические былинные сюжеты в «московскую эпоху». Так, в пинежской былине «Козарин» Артемия Завернина, в отличие от других пинежских текстов, имеющих «древ-

некие» приметы (Чернигов, Галицин / Галич), татарская сила, поднявшаяся «на славную матку *Святую Русь*», полоняет *каменну Москву*. Соответственно спасенная полонянка говорит герою, что она родом «Со *Святой Руси* да из *славной Москвы*» (Былины Пинеги, № 85, ст. 33). В данном случае происходит прямое замещение киевского мира московским.

Смешение киевского и московского пространств мы находим в пинежской старине М. Д. Кривополеновой на сюжет «Илья Муромец и Идолище». Здесь весть о том, что Чудище захватило Царьград, «перепажнула» «за реку *Москву* / Во тот же как ведь *Киев-град*» (Былины Пинеги, № 15, ст. 14–15; см. также: № 16, ст. 13). Москва-река, как видим, по тексту данной старины находится в пространстве главного города былинной Руси. «*Московские бояры*» упомянуты в мезенской былине «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»: Добрыня разрешает своей жене искать себе мужа в случае его гибели среди *московских бояр*, которые по логике былинного мира должны были бы быть *киевскими боярами* (Былины Мезени, № 60, ст. 9).

Следует подчеркнуть, что, несмотря на относительную редкость упоминания *Москвы* в былинах, город в старинах (а не только в «старших» исторических песнях, например, песнях об Иване Грозном) представляется безусловным центром эпического русского государства, функционально близким к Киеву. Так, в западнопоморской традиции в былине «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» богатырь, встретив монахов, спрашивает у них: «Как по старому ли стоит *каменна Москва?*» (Былины Западного Поморья, № 12, ст. 48; см. также: ст. 53; № 14, ст. 43, 45).

В пинежском «Козарине» *Москва* находится в непосредственной и очень тесной связи со *Святой Русью*, то есть по сути топоним является изофункциональным синонимом формулы *Святая Русь*:

«Подымаласе сила татарская,
Што татарская сила бусурманская,
Што на *славную матку Святую Русь*.
Полонили *матку каменну Москву*» (Былины Пинеги, № 85, ст. 2–5).

В этом тексте, состоящем всего из 47 стихов, формулы *святая Русь* и *каменна (славная) Москва* трижды соседствуют друг с другом.

На Печоре эта же формула зарегистрирована в былине «Дунай-сват». На пиру у Владимира, описывая достойную для князя невесту, Дунай говорит:

«А меньш́ая-то дочь – Опрасенья дочь Семёновна.
А не бывала Опрасенья на *Светой Руси*,
На *Светой Руси* да в *каменной Москве*»

(Былины Печоры, № 122, ст. 60–62; см. также: № 126, ст. 67–68; № 129, ст. 39–40).

В кижском (заонежском) варианте «*Дуная-свата*», начинающемся с упоминания стольного города Киева, Федор Иванович (= Дунай) привозит князю Владимиру невесту, после чего поется слава киевскому князю:

«Вот у нас есть солнышко Владимир-князь,
Владимир князь стольнокиевский:
Нет такового во всей *Руси*

И нет такового в *каменной Москве*» (Рыбн., № 23, ст. 133–136).

В былине «Глеб Володьевич» Марфы Крюковой (Зимний берег Белого моря) главный герой живет в *Москве*, опять-таки сопрягаемой с топонимом *Святая Русь*: «А и как у нас-то ведь-то было на *Светой Руси*, / А и на *Светой Руси*, *славной матушки Москвы*» (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 29, ст. 1–2; см. также: ст. 24, 316, 349, 509, 521, 529, 726; № 29а, ст. 441).

Находится в сопряжении с Москвой и Киев, причем связь этих городов в былинном тексте может быть разной степени интенсивности. Можно привести примеры, когда в пору говорить о географическом имени-компоните *Киев-Москва*:

«Шьто во *Киеви* пируют, в *камянной Москве*» (Былины Зимнего берега, № 76, ст. 107 – «Дунай-сват»); «Да привёз-то ведь ей в красён-град, / В красён *Киев-град* да в *каменну́ Москву*» (Былины Зимнего берега, № 106, ст. 117–118; см. также: ст. 188–189 – «Иван Годинович»); «Как приходят они-то всё в красен *Киев-град*, / В красён-от град, ишше в *матушку каменну́ Москву*» (Былины Зимнего берега, № 99, ст. 74–75 – «Сорок калик»).

Однако в целом былинный мир разграничивает Москву и Киев. В одном из пудожских вариантов старины «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» Добрыня узнает о предстоящей свадьбе его жены и Алеши Поповича из разговоров голубка и голубки:

«Полетает голуб в *каменну Москву*,
Оставляет голубку на белом шатру.
Зговорит голубка голубчику:
“Не остануси, голубка, на белом шатру.
Полечу с тобой, голубка, в *каменну́ Москву*.
Как нынечу-таперечу
А уехал Добрыня на чисты́ поля,
А оставил Настасью во *Киёви*,
А прошло того времечки ведь шесть годов,
А нын Настасья-то замуж пошла”»

(Былины Пудоги, № 83, ст. 370–379; см. также в этом же эпизоде упоминание Москвы, в то время как события старины вписаны в киевский мир: № 79, ст. 216, 219).

Приведем другие примеры разграничения Москвы и Киева. В пудожском тексте с сюжетом «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» коллизия привязана к имени Дюка Степановича: в его отсутствие Настасья Микулична оказывается просватанной за Алешу Поповича. Дюк, под видом гусяря пришедший на свадьбу, играет на гусельных яровчатых: «А кто был со матушки *каменной Москвы*, / А кто был со стольного со *Киёва* / Всем игра-та полюбви пришла» (Былины Пудоги, № 363, ст. 287–289).

В другом пудожском варианте «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» князь Владимир издает указ о том, чтобы в русских городах не было вдов, что и заставляет жену Добрыни согласиться выйти замуж за Алешу Поповича:

«Чтобы не было ўдов во *Киевы*,
Чтобы не было ўдов во *Черниговы*,
Чтобы не было ўдов в *каменной Москве*» (Былины Пудоги, № 103, ст. 63–65).

В былине на этот же сюжет из Выгозера слава о Добрыне разносится по трем городам:

«А й прославился Добрынюшка во *Киёви*,
А й прославился Добрынюшка в *Чернигову*,
А й в матушке Добрыня в *каменной Москве*» (Гильф., № 187, ст. 19–21).

Разделяя Киев и Москву, Марфа Крюкова в былине «Илья Муромец и Идолище» вкладывает в уста богатыря, узнавшего о беде в Киеве, опасения: «Мне ведь и жаль-то всё ведь и города-то *Киева*, / Не проехал бы Идобишшо в *каменну́ Москву*» (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 10а, ст. 182–183).

Топоним *Москва* сопрягается также с еще одним эпическим локусом, обладающим безусловной ценностью в былинной картине мира, – с *Новгородом*. На Мезени в былине «Василий Буслаев и новгородцы» об отце богатыря сказано: «...с *Москвой* нонче не споровал, / С *Новым-городом* не перечилса» (Былины Мезени, № 188, ст. 3–4; см. также: № 189, ст. 1–2; Гильф., № 30, ст. 2 – Повенец). В пудожской былине о Василии Буслаеве начало таково:

«Жил Буслав девяносто лет,
Со *Новым городом* не спаривал,
Со *Опсковым* он не вздоривал,
А со матушкой *Москвой* не перечилса»
(Былины Пудоги, № 507, ст. 2–5).

См. также в кижских вариантах этого же сюжета: «С *Новым градом* не перечилса, / С *каменной Москвой* спору не было» (Гильф., № 141, ст. 6–7; см. также: ст. 36–37, 185–186). Эта же фор-

мула зарегистрирована в печорской былине «Добрыня и Маринка», где, соответственно, относится к отцу Добрыни: «Он с *Новыма* ле *городами* не говаривал, / А с *каменной-то* жил *Москвой* – не перечилса» (Былины Печоры, № 23, ст. 4–5).

В одной из былин Марфы Крюковой Добрыня князю Владимиру, ищущему себе достойную невесту, заявляет, что его суженая находится не на *Святой Руси*, не в *каменной Москве*, не в *Новгороде*, а у короля Ляхоминского (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 20, ст. 141–143; см. № 20а, ст. 24–28). В былине «Михаил Потык» герой зовет на свою свадьбу с Авдотьюшкой Дикияновной гостей из *Москвы* и *Новгорода* (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 19а, ст. 309).

Марфа Крюкова нередко три ценностных локуса – *Киев*, *Новгород* и *Москва* – предлагает в одном контексте. Так, о Святогоре говорится:

«И он не можот жить во городах славных российских-то,
А и не в *Москвы* не можот жить же он, не в *Новэ-градэ*,
А и он не можот жить жо всё во городи во *Киеви* –
Его не можотжо носить да мать сыра́ зёмля»

(Былины Зимнего берега. Крюкова, № 36, ст. 32–35).

В былине «Илья Муромец на заставе» Илья после победы над чужеземным богатырем предлагает ему дать обещание не ездить на *Святую Русь* в *каменну Москву*, *славный Новгород* и *славный Киев-град* (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 11, ст. 454–456).

Оплакивая гибель Василия Буслаева, его дружинишка причитывает:

«Не поедет боле он да от во *Нов же град*,
Вот не съездит боле Васильюшко в *каменнү Моськву*,
Не бывать боле Васильюшку во *Киеве*»

(Былины Зимнего берега. Крюкова, № 27а, ст. 625–627).

В былинах Марфы Крюковой, нередко завершающихся концовкой, выстроенной на традиционном мотиве «синему морю на потишанье», регулярным становится включение в эту концовку, приобретающую явные черты индивидуального сказительского творчества, топонима *Москва*. Так, в старине «Илья Муромец и Идолище» Марфа Крюкова в концовке соединяет топонимы *Киев* и *Москва*:

«Как ведь той нашей старинушке конец и пришол.
Как ведь *славному Чорну морюшку* на тишину,
Нашему городу-ту *Киеву* на споминаньицо,
Славной матушке каменной Москвы на чесь-хвалу великую,

Вам, премудрые ведь люди, на прописаньицо»
(Былины Зимнего берега. Крюкова, № 10а, ст. 385–390).

В старине «Турица и туры»:

«Как ведь той-то всё старинушки конец пришол.
Как ведь *славному-ту морюшку Хвалыньскому*,
Как ему-то всё на тишину великую,
Славну Киеву-ту городу на спокойе ему,
Нашу *матушку каменнү Моську* на чесь-то всё,

на славушку великую,
Вам, премудрым-ти людям-ти, на росписаньице»

(Былины Зимнего берега. Крюкова, № 26а, ст. 160–165).

Включение *Москвы* в концовку старин у сказительницы, оказавшейся под руководством собирателей, без сомнения, было вызвано идеологическими установками советского времени. *Москва*, столица Советского Союза, играла большую роль в так называемых новинах – идеологически ориентированных произведениях, созданных усилиями собирателей и сказителей. Марфа Крюкова, как известно, была одной из успешных былинщиц, работавших в области новин. Именно поэтому *Москва* избыточно попадает и в традиционные старины былинщицы. В некоторых ее текстах, где *Москва* ни разу не упоминается, этот топоним все-таки возникает в концовке. Так, в старине «Чурила Пленкович» читаем:

«Как ведь той нашей старинушке конец и пришол.
Славну морю-ту ведь и *Чорному* на тишину,
А *Непрю-реки* на славушку ведь ей, скажу,
Как и матушке-то нашей каменной *Москвы*
Эта старинушка на чесь-славу великую»

(Былины Зимнего берега. Крюкова, № 21а, ст. 654–660).

См. также включение топонима *Москва* в концовку былин «Вольга и Микула» (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 2в, ст. 861), «Поединок Добрыни Никитича с Ильей Муромцем» (№ 5а, ст. 526), «Исцеление Ильи Муромца» (№ 8а, ст. 431), «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (№ 9а, ст. 626), «Три поездки Ильи Муромца» (№ 15а, ст. 558), «Сухман» (№ 24а, ст. 411), «Василий Богуслаевич» (№ 27а, ст. 672), «Садко» (№ 28а, ст. 843).

Москва попадает в перечень самых ценностных русских городов. Идолище в пудожской старине хвастает:

«Я прошел по всем землям, по всем ордам,
Я *Казань-Рязань* прошел да *Вострокань*,
Уж я был я в городи во *Киеви*,
Я недавно ль был да во *Чернигови*,
Я сейчас иду из *каменной Москвы*»

(Былины Пудогги, № 345, ст. 220–224).

Былины знают *Московскую заставу*, на которой стоят русские богатыри. Кижская былина «Илья Муромец и нахвальщик» Т. Г. Рябинина начинается стихами:

«На славной на *Московской* на *заставы*
Стояло двенадцать богатырей без единого.
По них, по славной *Московской заставы*,
Пехотою никто не прохаживал»

(Рыбн., № 5, ст. 1–4; см. также: ст. 33, 34; повторная запись от Т. Г. Рябины: Гильф., № 77, ст. 1, 3, 36, 59).

Московская застава упоминается и в других былинах Т. Г. Рябины: «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь» (Рыбн., № 7, ст. 87, 203).

В былинах мы можем найти пока еще неустойчивую тенденцию детализировать внутригородское пространство Москвы (детализация городского пространства полноценное развитие получит в «старших» исторических песнях). Одна из значимых ценностных частей реально-исторической *Москвы* в былинном мире севернорусских крестьян превратилась в отдельный город – *Кремлев-город*. Так, в пинежской былинке «Алеша Попович и Тугарин» богатырь, выехав из родного Ростова, у чудного креста выбирает, куда ехать: в *Кремлев-город*, Чернигов или Киев. *Кремлев* он отвергает, так как там вина дешевы, что может стать причиной того, что Алеша Попович и его спутники, упившись, заслужат недобрую славу:

«Как перва-та дорога, широка рощань, –
Ко славному ко городу *Кремлеву*;
Что во *Кремлевы* вина дешевы»
(Былины Пинеги, № 46, ст. 21–23).

В пудожском материале имеется неожиданный внутримосковский топоним *Вшивая горка*. Напомним: это историческое название урочища в *Москве*, расположенного на холме на юго-востоке города за рекой Яуза. В летописях и других письменных источниках *Вшивая горка* упоминается с 1476 года. Топоним был освоен в исторических песнях XVI века («Гнев Ивана Грозного на сына»), откуда, как мы считаем, был перенесен в былинны.

Пудожский вариант «Добрыни и Маринки» начинается со строки: «Жила честна вдова Офимья Александровна / В *Москве* на *Горке* на *Вшивой*» (Былины Пудоги, № 61, ст. 1–2; см. также: ст. 73–74, 84–85; сказитель П. Л. Калинин, запись 1871 года). В «Наезде литовцев» также упоминается *Вшивая горка*:

«А на той было на *горочки* на *Вшивы* / Старый Никитушка Романович / А проведаль тут же он победушку» (Былины Пудоги, № 543, ст. 77–79; сказитель Трофим Романов, запись начала 1860-х годов).

Несколько слов следует сказать о топониме *Москва-река*. Это географическое имя оказалось слабо востребованным былинной традицией. Оно не зарегистрировано на Печоре, Мезени,

Кулое и Пудогге. Единично *Москва-река* встретила на Пинеге. В сюжете «Илья Муромец и Идолице», как мы уже замечали, «Перепахнула вес[т]ка (о нашествии проклятого Цюдишша на Царьград. – Т. И.) за *реку Москву* / Во тот же как ведь Киев-град / К тому жа ведь да к Ильи Муровицю» (Былины Пинеги, № 15, ст. 14–16; см. также: № 16, ст. 13).

В кенозерской «Старине о большом быке» один из героев (Зеновка), воруя у Рободановича быка, «скочил за *Москву* за *реку*» (Гильф., № 297, ст. 36; см. также: № 303, ст. 50, 81).

На Зимнем берегу топоним *Москва-река* фиксируется исключительно в былинах Марфы Крюковой, у которой, как мы указали, избыточность *Москвы* обусловлена ее особым положением в культурном пространстве советского времени. У этой сказительницы *Москву-реку* мы находим в концовках старин. Как правило, этот топоним появляется рядом с *Хвалынским* или *Черным морем*, что вполне логично: былина поется морю на «потышенья», *реке* же *Москве* воздается честь-хвала:

«Той старинушки конец пришел.
Славну морюшку Хвалынскому на тишину,
А Москвы-реки на честь, на славушку на великую»
(Былины Зимнего берега. Крюкова, № 316, ст. 821–823 – «Соломан и царь Василий Окулович»).

«Э и славу *морушку Чорному* на тишину,
А Москвы-реки на честь, на славушку великую»
(Былины Зимнего берега. Крюкова, № 1а, ст. 465–466 – «Волх Всеславьевич»).

См. также: № 2б, ст. 740 – «Вольга и Микула»; № 3б, ст. 461 – «Святогор и Илья Муромец»; № 4а, ст. 389 – «Добрыня Никитич и Змей»; № 4б, ст. 478 – «Добрыня Никитич и Змей»; № 14а, ст. 881 – «Камское побоище»; № 17б, ст. 469 – «Бой Добрыни и Алеши с татаринцом»; № 19а, ст. 553 – «Михайло Потык»; № 22б, ст. 659 – «Соловей Будимирович»; № 23а, ст. 916 – «Данило Ловчанин»; № 25а, ст. 451 – «Василий Игнатьевич и Батыга»; № 35, ст. 70 – «Съезд Добрыни и Настасьи».

О высоком статусе *Москвы* в эпическом сознании свидетельствует включение этого географического имени в контексты, в которых заключается оценочность того или иного былинного предмета. В пинежской старине «Илья Муромец и разбойники» богатырь заявляет станичникам (разбойникам), что третьей пуговке на его шубе «цены здесь нет»: «И только есь она да у царя в *Москвы*, / У царя в *Москвы* да в золотой казны!» (Былины Пинеги, № 24, ст. 35–36).

Равным образом в сибирском варианте «Дюка Степановича» стрелы богатыря с драгоценными камнями гости-корабельщики собирают и при-

возят в *каменну Москву* (РЭПС, № 31, ст. 26), то есть в самый богатый город. В другом сибирском тексте – «Илья Муромце на Соколе-корабле» – Илья, находящийся на корабле, хваля свои сапоги, говорит: «Сапоги вы, сапоги, издалеча везены, / Издалеча везены, из *матушки Москвы!*» (РЭПС, № 40, ст. 38).

Москва может входить в топос наигрышей, которые играют герои. Добрыня Никитич-гуслия

«Перву струночку повел с *Киева*,
Другу струночку с *Чернигова*,
Третью струночку с *каменной Москвы!*»
(Былины Пудог, № 103, ст. 183–185).

«Ён ведь начал струночки натягивать.
Ён перву наладил – с града с *Киева*,
Ён другу наладил – из *Чернигова*,
Ён ведь третьюю – из *каменной Москвы!*»
(Былины Пудог, № 84, ст. 188–291).

Несмотря на достаточно частое упоминание топонима *Москва* в былинах и высокий статус города в былинном мире, а также несмотря на то, что в XVI веке Москва стала безусловной столицей Руси, специально подчеркнем: формула *стольная Москва* ни разу в былинах не встретилась. «Стольным» в песенно-эпическом пространстве прочно остается только Киев. От Киева в языке былин Москва позаимствовала другой эпитет, менее статусный – *славная Москва*: «Я сама красна девица со Святой Руси, / Со Святой Руси да из *славной Москвы!*» (Былины Пинеги, № 85, ст. 32–33 – «Козарин»). Отметим, что эпитет «славная» по отношению к Москве отнюдь не является частотным. На Пинеге приведенный пример единичен; на Печоре и Мезени данный эпитет не зафиксирован. В обширном пудожском материале «славная» встретилась всего 5 раз. На Зимнем берегу он отмечен в 4 текстах (9 словоупотреблений); правда, в былинах Марфы Крюковой, очень любящей этот эпитет, *Москва* названа «славной» 43 раза.

Топоним *Москва*, однако, не мог не породить формулотворчества, то есть создания формул, характеризующих исключительно Москву. Для Москвы севернорусские сказители, как видно из приведенных выше примеров, нашли эпитет «каменная», который, скорее всего, возник в связи с развернувшимся в конце XV века каменным строительством в деревянной дотеле Москве. Эпитет абсолютно частотен на Пудог, как уже следует из приведенных цитат.

Былинный материал дает нам также эпитет «белокаменная». См.: Былины Пудог, № 551, ст. 57, 73, 76, 84, 96, 148, 154, 158, 160, 188, 209, 218, 236, 245, 257, 395, 400, 401 – «Наезд литов-

цев»; № 567, ст. 5, 41, 65, 71 – «Рахта Рагнозерский».

Москва, как и в других русских культурных пластах, в устах сказителей получает дефинитив «матушка»: «Подымались татара на *матушку камену Москву!*» (Былины Пинеги, № 87, ст. 4; см. также: № 85, ст. 5 – *матка каменна Москва*). О Буславии, отце Василия Буслаева, в кижской старине сказано: «Со *матушкой каменной Москвой* вовек не бранивался» (Рыбн., № 73, ст. 4). См. дефинитив «матушка» у *Москвы*: Былины Зимнего берега, № 42, ст. 91, 233; № 76, ст. 46, 94, 101; № 99, ст. 75, 163; № 107, ст. 54; № 126, ст. 91, 190, 209 и др.; Былины Пудог, № 360, ст. 22; № 363, ст. 8, 287; № 439, ст. 1, 4, 11, 21, 32, 41, 43, 49, 77, 101, 117 и др. На Печоре же и Мезени родительский дефинитив отсутствует.

На материале пинежской былинной традиции отчетливо проявляются некоторые процессы, определяющие общие закономерности развития русского эпоса. В частности, на примере былины «Илья Муромец и разбойники» видно, как на древнекиевский пласт эпической традиции накладываются черты Московской Руси. Большинство пинежских старин на названный сюжет на Пинеге вписывают повествуемые события в киевский мир: путь-дорога, на которой Илья Муромец встречает разбойников, пролегает от *Мурома* (*Мурова*, *Мурона*) и *села Карачарова* до *Киева* (или просто из *Мурома*, или из *Киева*). Однако в ряде текстов дорога проходит «Среди <...> *царства Московского* <...> среди восударства Российского» (Былины Пинеги, № 28, ст. 1–2; см. также: № 24, ст. 1; № 35, ст. 1) и даже «среди *Москвы*, в *Кремле-городе!*» (Былины Пинеги, № 24, ст. 3). Подобный зачин былины (с формулой *царство Московское*), без сомнения, сложился довольно поздно – в период Московской Руси. Очевидно также, что формула *государство Российское* не могла появиться ранее XVIII века, что свидетельствует об определенной продуктивной динамичности эпической традиции на поздних этапах ее существования. Формула *царство Московское*, *государство Российское*, скорее всего, пинежской былинной «Илья Муромец и разбойники» позаимствована из исторической песни «Петр I на молебне в Благовещенском соборе», зафиксированной только на Пинеге¹ (эта песня, по свидетельству исполнителей, пелась мужчинами во время свадебного обряда).

В былинах мы можем найти примеры, когда в топониме *Москва* неожиданно появляются признаки «чужого» мира. Так, в кижской старине «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» Терентия Ивлева *Москва* сочета-

ется с *Литвой*. Князь Владимир посылает Добрыню «Во ту да в матушку в *каменну Москву*, / Во *каменну Москву* да в *хоробру Литву*» (Гильф., № 100, ст. 17–18). Ту же формулу мы находим и в другой былине этого сказителя – в «*Дунаевсвате*» (Гильф., № 102, ст. 78–79).

В одном из пудожских вариантов «Наезда литовцев» *Москва* оказывается связанной с *Золотой Ордой*, что, естественно, является признаком начала разрушения эпической традиции. Племянники короля Политовского решают:

«А поедем-ка мы, братцы, в *каменну Москву*,
В *каменну Москву* да в *Золоту Орду!*»
Приезжали тут они да в *каменну Москву*,
В *каменную ту Москву* да в *Золоту Орду*.
Розорили тут они *каменну Москву*,
Каменну Москву да *Золоту Орду*»

(Былины Пудоги, № 543, ст. 66–71; см. также: ст. 29, 30, 36, 80, 167, 168; № 542, ст. 25, 26, 28, 29, 30, 45–48, 129).

В повенецком варианте находим ту же формулу с *Золотой Ордой*. «Два витовца» (= ливики) решают: «Ехати нам в *каменну Москву*, / В *каменну Москву*, *Золоту Орду*» (Рыбн., № 115, ст. 25–26; см. также: ст. 29–30, 45–47; Гильф., № 12, ст. 29–30, 36–37, 67–72, 81, 169–170 – оба варианта записаны от П. Л. Калинина).

Смещение координат «свой» / «чужой» по отношению к *Москве*, без сомнения, является отражением процессов разрушения былинной традиции. В целом же активное использование имени *Москва* в песенно-эпическом пространстве свидетельствует о том, что и после окончательного формирования жанра былин этот вид народной поэзии, выполняя свою функцию исторической памяти русского народа, продолжал чутко откликаться на исторические изменения. Эпический мир не оставался консервативно-окаменевшим, он реагировал на новые исторические реалии.

БЫЛИНЫ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

В Центральной России, в том числе и в Московском регионе, былины, как известно, в XIX веке были записаны в единичных плохо сохранившихся вариантах. Тем не менее зафиксированный материал, мало что добавляющий к пониманию того или иного сюжета, требует своего осмысления с точки зрения формирования и распространения песенного эпоса по территории Руси.

Выскажем два положения, из которых мы будем исходить, пытаясь осмыслить былинную традицию Московского региона. Нам уже приходилось выдвигать положение об иерархии «былинных метрополий» [6]. Под «**материн-**

ской» метрополией мы понимаем территорию, на которой в X–XIII веках складывался русский эпос. Нижняя временная граница определяется созданием Киевского государства (X век); верхняя, XIII век, – это начало татарского ига, в результате которого в эпосе сформировался образ татар – главного врага русских богатырей. «Материнская» метрополия – это прежде всего Киевская земля (Киев, Чернигов, Муром, Рязань, Ростов, Суздаль, Галич), на которой сложились образы князя Владимира, Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, Дюка Степановича, Чурилы Пленковича. Подчеркнем, что большинство былиноведов признают, что эпос формировался первоначально как областной и только на этапе завершения его сложения стал общерусским. Вторая «материнская» метрополия – Новгород, давший былинам таких персонажей, как Садко и Василий Буслаев. Былины Новгорода слились воедино с произведениями Киевской земли и составили общерусский эпический репертуар.

Следующую позицию в иерархии метрополий занимают «**колониционные» метрополии**, актуальные для периода XII–XVI веков, когда происходила активная славянская колонизация Русского Севера, Поволжья и Сибири, сохранивших до XIX–XX веков весомую песенно-эпическую традицию. Напомним, что в фольклористике обсуждается проблема новгородской и ростово-суздальской колонизаций Русского Севера. В 1894 году В. Ф. Миллер в статье «Наблюдения над географическим распространением былин» предложил так называемую «новгородскую теорию» происхождения севернорусской былинной традиции². Суть концепции ученого сводится к следующему: не только былины с новгородскими аксессуарами, но многие сюжеты киевского цикла сложились в Новгороде; былины сохранились в тех регионах Русского Севера, которые подвергались новгородской колонизации; «низовская» (ростовская, верхневолжская) колонизация былин с собой не несла. Эта точка зрения получила поддержку в обстоятельной монографии С. И. Дмитриевой [3]. Данную гипотезу полностью поддерживают С. Н. Азбелев [1], В. П. Аникин [2], Б. А. Рыбаков [8].

По нашему мнению [5], песенно-эпическая традиция Русского Севера складывалась благодаря и новгородскому, и ростово-суздальскому колониционным потокам. Исторические документы позволяют сделать вывод, что новгородское влияние в основном сказывалось в таких регионах, как Заонежье, Пудожье, Западное Поморье, Двинская земля (низовья

Северной Двины), Зимний берег Белого моря. Безусловное ростово-суздальское присутствие отмечается на Белом озере, в Каргополье, в Великом Устюге. Таким образом, мы и Новгород, и Ростовские земли считаем метрополиями, откуда былинная традиция проникала на Русский Север.

Севернорусский регион, давший объемный былинный материал, позволяет выделить понятие **«региональные» метрополии** – древние славянские географические точки на Русском Севере, откуда песенно-эпическая традиция разворачивалась на окружающие территории. Это средневековые города (села), откуда шло славянское освоение севернорусских земель, например, с. Шала на Пудожском берегу Онежского озера, Белоозеро, Каргополь на реке Онеге, Колмогоры / Холмогоры на Северной Двине, Кегрола / Кеврола на Пинеге и др.

Последними в иерархии метрополий могут считаться **«локальные» метрополии**. Мы различаем понятия «региональный» и «локальный» в иерархическом аспекте. Термин «региональный» применим к большой территории с единой исторической судьбой и культурными особенностями; «локальный» – к более мелкой территориальной единице, определяемой теми же параметрами, но входящей в «региональную» традицию. Типично локальными метрополиями на Русском Севере являются села Сума (Сумской Посад) для Поморского берега Белого моря, Варзуга для Терского берега, Усть-Цильма для Печоры и т. д.

Оперирование сформулированной нами иерархией метрополий для Центральной России, в силу малого количества записей и разбросанности их по разным регионам, оказывается затруднительным. Однако некоторые предположения можно высказать. Москву, на наш взгляд, можно рассматривать как третью колонизационную метрополию – причем и для Русского Севера, и для Центральной России. Без сомнения, когда во второй половине XIII века началось медленное выдвижение захолустного Московского княжества на первые роли в историческом процессе, Москва знала былинную традицию, о чем свидетельствуют остатки эпоса, записанные и в самом городе, и в губернии в XIX веке. Возникновение мощного пласта «старших» исторических песен XVI века – «московских» по всем своим аксессуарам – представляется невозможным без их опоры на более раннюю эпическую традицию, восходящую к древнему Киеву. Подчеркнем, однако, что в Москве бытовал уже сложившийся, а не складывающийся эпос.

Второе положение, которое, на наш взгляд, важно для понимания песенного эпоса Центральной России, заключается в утверждении тезиса о существовании развитой былинной традиции на этой территории в средние века. Этот тезис признается отнюдь не безоговорочно. Раннее затухание традиции в Центральной России к XIX веку, когда на Русском Севере, в Поволжье и Сибири былины еще продолжали полнокровно жить, вызвано, на наш взгляд, тем, что одна из функций эпоса – отстаивание этнического «мы» – для этих территорий, где аборигенное население (финно-угорские племена) было ассимилировано очень рано, к XVIII–XIX векам перестало быть актуальным. Русским людям в регионе Центральной России не надо было посредством эпических форм заявлять иноэтническим соседям о своем национальном сознании [4], [5]. К тому же интенсивность исторической жизни Центральной России, втянутость ее населения в бурные исторические процессы стирали память о Киевской Руси, заставляя устную традицию активно откликаться на новые события XVI–XVIII веков, результатом чего стали исторические песни.

Былинную традицию Московского региона, мы полагаем, с большой долей вероятности следует вести из Владимиро-Суздальского княжества. Согласно нашей концепции, былины складывались в трех основных точках: Киево-Черниговский регион (князь Владимир, Чурила Пленкович); Муромо-Рязанское княжество (Илья Муромец, Добрыня Никитич); Ростово-Суздальско-Владимирские земли (Алеша Попович). В первом тысячелетии нашей эры земли Москвы были территорией финно-угорского племени меря. Вятичи (славянские племена) здесь появились не позднее IX века. Согласно Ипатьевской летописи, в городке Москов Ростово-Суздальский князь Юрий Долгорукий в 1147 году встретился со своим союзником Новгород-Северским князем Святославом Ольговичем. Рядом с Московом (Москвой) находилось село Кучково, принадлежавшее суздальскому боярину Кучке, который был убит по приказу Юрия Долгорукого. Нам важно подчеркнуть, что Москва на раннем этапе ее истории в XII – первой половине XIII века принадлежала Ростово-Суздальскому (чуть позднее – Владимиро-Суздальскому) княжеству и была пограничной крепостью этого княжества на западном направлении.

После смерти великого князя Владимирского Всеволода Большое Гнездо (младший сын Юрия Долгорукого) Москва в составе Владимиро-Суздальского княжества досталась его второму сыну

Юрию Всеволодовичу. В 1238 году Москва была сожжена монголо-татарами. После кончины в 1263 году Александра Невского, сидевшего на Владимирском престоле, Москва стала самостоятельным уделом его младшего сына – Даниила Александровича (1261–1303; Московский князь ок. 1277–1303). Завещание Москвы младшему сыну свидетельствует о незначительности этого удела на ранних этапах существования города. Возвышение Москвы начинается со времен Даниила Александровича. Сыновья Даниила Александровича – Юрий (ок. 1281–1325; Московский князь в 1303–1325) и Иван Калита (ок. 1283 или 1288–1340; Московский князь 1325–1340) – при соперничестве с другими князьями смогли от Орды получить великокняжеский ярлык на Московское княжество и одновременно удерживать за собой Владимирское княжение.

Подчеркнем еще раз: у нас есть все основания считать, что некогда существовавшая былинная традиция Москвы была дочерней традицией Владимиро-Суздальских земель.

Укажем, что в первой половине XIX века былинное знание еще наличествовало в самой Москве, а носителями его были представители мещанского сословия. В Москве в 1830–1840-е годы П. В. Киреевский от 70-летней мещанки записал былину «Алеша Попович и братья Бродовичи»³. В 1893 году в Москве были зафиксированы старины «Илья Муромец и разбойники» (записал С. И. Лапшин от мещанина Сергея Вонифатьева), «Добрыня и Маринка» и «Василий Буслаевич и новгородцы»⁴ (обе зафиксировал С. И. Лапшин от московского мещанина И. А. Лапшина). В сборнике «Русские былины старой и новой записи», где опубликованы эти записи, в конце издания имеется нотация (4 стиха) былины «Добрыня и Маринка»⁵.

П. В. Киреевский (или его окружение) записывал былины и в ближайшем Подмосковье – в *Звенигородском уезде*. В 1833 году в селе *Воронки* был зарегистрирован сюжет «Илья Муромец и разбойники»⁶. Воронки стоят у слияния ручья Праслиха с речкой Вороной Брод (впадает в старицу Москвы-реки) – по правую сторону почтового тракта из Москвы в Звенигород. Недалеко находится знаменитый музей-усадьба Архангельское. В 1859 году в д. Воронки, владельческой, числилось 26 дворов (80 муж., 86 жен.)⁷. Село Ильинское, близ которого находятся Воронки, – это место летнего отдыха семьи Киреевских-Елагиных. Именно с Ильинского началась планомерная фольклорно-собираТЕЛЬСКАЯ деятельность П. В. Киреевского [9: 152–153]. В настоящее время это территория Красногорского района Московской области, расположенного к северо-западу от Москвы.

Остатки былинной традиции зарегистрированы также в *Коломенском уезде*, находящемся на востоке Московской губернии. В этом уезде было записано две былины: в самом городе *Коломне* А. Н. Островский зафиксировал былинный текст на сюжет «Бой Добрыни с Ильей Муромцем»⁸; в д. *Лантева (Лантево)* зарегистрирована былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник», вошедшая в издание «Песен, собранных П. В. Киреевским»⁹.

Коломна является одним из древнейших городов Подмосковья; находится у впадения реки Москвы в Оку. Коломна впервые упоминается в 1177 году в Лаврентьевской летописи как пограничный пост Муромо-Рязанского княжества. В 1301 году Коломну захватил Московский князь Даниил Александрович. Это была первая территория, присоединенная им к Москве. Коломна с этого времени стала служить Москве пограничным городом, в котором собирались в случае военных походов русские войска. В 1380 году здесь перед Куликовской битвой собирал свое войско Дмитрий Донской. В 1385 году Коломну неожиданно взял великий князь Олег Иванович Рязанский (ум. 1402), помнивший о былой принадлежности города Рязанскому княжеству. Город был возвращен Москве лишь через несколько лет при содействии Сергия Радонежского¹⁰.

В г. Коломне в 1859 году числилось 1390 домов (6939 муж., 6846 жен.), стояло 18 церквей, два монастыря, было 6 фабрик, 14 заводов, пристань, уездное училище, женское училище¹¹. В 1897 году в городе проживало 20 277 человек¹².

Сельцо *Лантево*, где была записана былина «Илья Муромец и Соловей-разбойник», по справочникам числится как владельческое, стоящее при речке Хочёмке (левый приток р. Каширки, в свою очередь, являющейся левым притоком Оки). Сельцо стоит в 40 верстах от Коломны по правую сторону Каширского тракта; в 1859 году насчитывало 22 двора (84 муж., 55 жен.)¹³. Из представленной исторической справки о Коломне следует, что в XII–XIII веках город входил в Рязанское княжество, и даже в конце XIV века князь Олег Рязанский заявлял на него свои права. Напомним, что Рязань и Коломна связаны друг с другом рекой Окой. Осторожно можно предположить, что остатки былинной традиции Коломенского уезда восходят к временам Рязанского княжества. Однако, учитывая долгое пребывание Коломны в составе Московского княжества, равным образом можно предполагать и московские корни местной песенно-эпической традиции.

Сведем приведенные данные в таблицу.

Год	Место записи и сказитель	Собиратель	Сюжет	Издание
1830–1840-е	Москва 70-летняя мещанка	П. В. Киреевский	Алеша Попович и сестра Бродовичей	Киреевский, 1860. Вып. 1. С. 64–66
1893	Москва мещанин Сергей Вонифатьев	С. И. Лапшин	Илья Муромец и разбойники	Русские былины старой и новой записи. М., 1894. № 3
1893	Москва мещанин И. А. Лапшин	С. И. Лапшин	Добрыня и Маринка	Русские былины старой и новой записи. М., 1894. № 23
1893	Москва мещанин И. А. Лапшин	С. И. Лапшин	Василий Буслаев и новгородцы	Русские былины старой и новой записи. М., 1894. № 64
1833	с. Воронки Звенигородского у.	П. В. Киреевский	Илья Муромец и разбойники	Киреевский, 1860. Вып. 1. С. 16–17
до 1877	г. Коломна	А. Н. Островский	Бой Добрыни с Ильей Муромцем	Русские народные песни, собранные П. В. Шейном // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1877. Кн. 3. С. 17
до 1860	д. Лаптево Коломенского у.		Илья Муромец и Соловей-разбойник	Киреевский, 1860. Вып. 1. С. 30–31

Таким образом, в Московском регионе зафиксировано 7 текстов. Кратко охарактеризуем московские былины.

«Илья Муромец и Соловей-разбойник» (20 стихов). Краткое изложение основного (ключевого) эпизода в сюжете: встреча Ильи Муромца с Соловьем-разбойником, свист чудовища, убийство его каленой стрелой. В московской былине отсутствует начальная коллизия исцеления Ильи Муромца и отправки его в Киев. Текст начинается с того, что Илья «далече во чистом поле» ищет себе «противничка». Сохраняется образ дубов («Как наехал он на три дуба столетние, / На столетние вековечные»). Богатырь не пленяет Соловья-разбойника (и соответственно не везет его в Киев), а сразу же его убивает.

«Илья Муромец и разбойники» (2 варианта). Вариант, записанный П. В. Киреевским (23 стиха). Краткое изложение сюжета; после каждого стиха повторяется рефрен «Здуниной, най». Богатырь именуется не Ильей Муромцем, а Илюшенькой. Герой не убивает разбойников, а «Запускает стрелу в мать сыру землю: / Где калена стрела шла, на косую сажень драла». На этом текст заканчивается. По-видимому, стрела устрасила разбойников.

Вариант, записанный С. И. Лапшиным (27 стихов). Обычное разворачивание коллизии: на героя нападают разбойники; он говорит, что помимо «сермяжки» в 50 рублей и 700 стрел по 5 рублей с него взять нечего; стреляет в сырой дуб; разбойники пугаются и падают на колени. В начале текста богатырь называется «старый», что характерно и для севернорусских вариантов, где опускается имя Ильи Муромца. Со ст. 19 богатырь получает имя – Добрыня. Переадресов-

ка сюжета Добрыне Никитичу, без сомнения, является следствием активных процессов разрушения традиции. В былине имеется топоним Царьград: «Не привел же мне Господь Бог в Царьграде быть, / Я бы всех турок, турчаночек повырубил». По-видимому, это отдаленный отголосок знаний о захвате Османской империей Константинополя (Царьграда) и одновременно рефлексия на многочисленные русско-турецкие войны XVIII–XIX веков.

Варианты, записанные П. В. Киреевским и С. И. Лапшиным, как следует из изложения, являются разными версиями сюжета «Илья Муромец и разбойники».

«Бой Добрыни с Ильей Муромцем» (19 стихов). Сюжет о поединке русских богатырей, традиционно заканчивающийся их братанием, в московской былине разворачивается необычно. В координатах «свой» / «чужой» в этом тексте Илья Муромец рисуется как «свой» герой, а Добрыня неожиданно получает характеристику «чужого» богатыря. Былина начинается с похвальбы Добрыни, выезжающего из Царьграда: «Я и Киев славный городочек мимоходом его возьму, / А Илью Муромца, Ильюху, в ногах его стопчу, / А Российского князи Владимира мечом голову срублю». Далее дается традиционная картина седлания Ильей Муромцем коня и кратко говорится о его победе: «И предал его Добрынюшку злой смерти».

Очевидно, что подобный поворот сюжета является следствием разложения песенно-эпической традиции в Московском регионе.

«Добрыня и Маринка» (52 стиха). В начале текста излагается эпизод из сюжета «До-

брыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»: Добрыня просит у матери благословения, чтобы в чистом поле найти «брата названого» старого казака Илью Муромца; затем следует наказ жене ждать его девять лет, а потом идти замуж, но не за Алешу Поповича. Далее не совсем логично разворачивается полный сюжет «Добрыня и Маринка»: называется стольный Киев, по которому Добрыне захотелось погулять, причем он специально ищет Маришкина двора; Илья Муромец предупреждает героя об опасности (у Маришки «Шелковая трава и железный тын, / На каждой на тычинушке по головушке есть»); Добрыня все-таки идет к Маришкину двору, стреляет в голубей в ее окне, разбивает банку с лютым зельем (необычная деталь); Маринка грозит превратить Добрыню в клячу, тот в ответ угрожает оборотить ее в суку. На этом текст заканчивается.

Перед нами стяженная форма сюжета. Превращение Добрыни в некое животное (чаще всего – в тура) не происходит, а функция возможного ответного оборотничества от матери героя (или его сестры) переносится на самого богатыря.

Былина имеет примечание, характеризующее ее напев: «Первая часть поется протяжно, а начиная со стиха 16-го напев изменяется и темп учащается» (с. 80). Напомним еще раз, что былина имеет нотацию в четыре стиха.

«Алеша Попович и сестра Бродовичей» (38 стихов). Сюжет изложен полностью: пир; хвастовство братьев скромностью их сестры; опровержение Алеши Поповича; приход братьев под окна героини, бросание кома снега в окно; приглашение героиней Алеши Поповича в терем; казнь ее братьями. Однако былина потеряла многие эпические приметы. Здесь нет никаких признаков киевского мира. Традиционный эпический пир называется «беседой» («Беседа ли, беседа, / Смирная беседа») (ср. крестьянский быт с посиделками (беседами) и песенную лирику, знающую тему «беседы»). Братья героини потеряли свое имя (Бродовичи, Сбродовичи, Збродовичи). В былине появляется концовка с осуждением Алеши Поповича: «А Бог суди Алёшу: / Не дал пожить на свете!»

«Василий Буслаев и новгородцы» (41 стих). В тексте излагается основная коллизия, причем былина помнит главные топонимы и антропонимы сюжета: «Во стольном Нове-городе / Жила-была матера вдова / Амелфа Тимофеевна». Василий Буслаевич, сведя дружбу «со пьяницами, со безумниками», вступает в «кулачный бой» с новгородцами. Затем следует эпизод со старцем Пилигримцем, которого новгородский удалец убивает; «мужики новгородские» идут к Амел-

фе Тимофеевне, просят ее унять сына и обещают заплатить дани за 12 лет. Последняя деталь явно (и весьма неуместно) позаимствована из былин киевского цикла.

ВЫВОДЫ

Анализ топонима *Москва* в текстах былин демонстрирует, что это географическое имя занимает в эпосе хотя и периферийное, но заметное место. Топоним *Москва*, вошедший в былины не ранее XIV века, то есть уже после формирования жанра былин, вступает в сопряжение с другими, более ранними географическими именами русского эпоса (*Святая Русь, Киев, Чернигов, Новгород*). Топография русского эпоса включила в свое пространство этот локус.

Другой важный вывод касается записей былин в Московском регионе. Краткий обзор многочисленных текстов позволяет сделать несколько наблюдений. Московский регион, по видимому, некогда имел достаточно полный былинный репертуар. Здесь зарегистрированы былины о всех трех главных русских богатырях киевского цикла (Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче) и о новгородском удалце Василии Буслаеве. Записаны 6 сюжетов, а с начальным эпизодом былины «Добрыня и Маринка» о наказе Добрыни жене не выходить замуж за Алешу Поповича – 7 сюжетов.

В XIX веке (и уже в первой половине столетия) местная былинная традиция находилась на последней стадии затухания. Все тексты – краткие. Излагают сюжеты в сжатом или фрагментарном виде, нередко трансформируя традиционные коллизии.

Тем не менее московские записи дают пищу для размышлений. Былины, подчеркнем, фиксировались в городах – в самой Москве и в Коломне; носителями песенно-эпической традиции были не привычные для фольклористов крестьяне, а городские мещане. Данные обстоятельства заставляют в очередной раз вспомнить концепцию главы исторической школы В. Ф. Миллера, который полагал, что песенный эпос сложился в княжеской дружине (дружинные певцы) и в сообществе древнерусских актерско-морохов (а следовательно, в городской среде). Из города былины «спустились» в крестьянские слои общества; Русскому Северу принадлежит заслуга и честь его сохранения до начала XX века. Записи былин в Московском регионе не противоречат этой концепции ученого. Во всяком случае, бытование былин в московской и коломенской городской мещанской среде – это примечательный факт, который фольклористика не должна упускать из виду.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Былины Западного Поморья – Былины Западного Поморья / Изд. подгот. Л. И. Петрова и Ю. И. Марченко. (Рукопись).

Былины Зимнего берега – Былины Зимнего берега Белого моря / Изд. подгот. А. Н. Власов, С. А. Жадовская, Н. Г. Комелина, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков; Отв. ред. тома А. Н. Власов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2018. 995 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 8).

Былины Зимнего берега. Крюкова – Былины Зимнего берега Белого моря: Сказительница Марфа Семеновна Крюкова / Изд. подгот. М. В. Рейли, Ю. И. Марченко, А. Н. Розов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2020. 1703 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 9).

Былины Мезени – Былины Мезени / Корпус текстов и коммент. подгот. А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2003. 530 с.; 2004. 715 с.; 2006. 599 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 3–5).

Былины Печоры – Былины Печоры / Корпус текстов подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. 772 с.; 2001. 783 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 1–2).

Былины Пинеги – Былины Пинеги / Изд. подгот. Т. Г. Иванова, А. Ю. Кастров, М. В. Рейли. СПб.: Наука; М.: Классика, 2012. 973 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 7).

Былины Пудогы – Былины Пудогы / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. СПб.: Наука; М.: Классика, 2013. 1063 с.; 2014. 951 с.; 2015. 1295 с.; 2016. 883 с. (Свод русского фольклора. Былины; Т. 16–18 (1–2)).

Гильф. – Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года / Подгот. текста и коммент. А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова. М.; Л., 1949–1951. Т. 1. 736 с.; Т. 2. 812 с.; Т. 3. 671 с.

Рыбн. – Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1909–1910. Т. 1. 512 с.; Т. 2. 727 с.; Т. 3. 432 с.

РЭПС – Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская. Новосибирск: Наука, 1991. 497 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

ПРИМЕЧАНИЯ

- Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. / Под ред. А. А. Горелова. СПб.: Тропа Троянова, 2002. Т. 1. 716 с. № 154, 159.
- Миллер В. Ф. Наблюдения над географическим распространением былин // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 5. С. 43–77; Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности: Былины. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1897. [Т. 1]. С. 65–96.
- Песни, собранные П. В. Киреевским. М.: О-во любителей рос. словесности, 1861. Вып. 1. С. 64–66.
- Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихомирова и В. Ф. Миллера. М.: Скоропечатня Левенсона, 1894. 88, 304 с. № 3, 23, 64.
- Былины: Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М.: Сов. композитор, 1981. 614 с.
- Песни, собранные П. В. Киреевским. М.: О-во любителей рос. словесности, 1861. Вып. 1. 144 с.
- Списки населенных мест Российской империи. Т. 24: Московская губерния по сведениям 1859 года. СПб.: Центр. статист. комиссия, 1862. 264 с.
- Русские народные песни, собранные П. В. Шейном // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1877. Кн. 3. С. 17; перепечатано: Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. В. Ф. Миллера при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М.: Моск. высш. жен. курсы, 1908. 312 с.
- Песни, собранные П. В. Киреевским. М.: О-во любителей рос. словесности, 1861. Вып. 1. 144 с.
- Рязанская энциклопедия: Справочные материалы. Т. 6: Археология. История (с древнейших времен по XVI век включительно). Рязань: Т-во «Рязанская энциклопедия», 1992. С. 108–109 (статья «Коломна»); С. 117–120 (статья «Московско-рязанские отношения»).
- Списки населенных мест Российской империи. Т. 24: Московская губерния по сведениям 1859 года. СПб.: Центр. статист. комиссия, 1862. 264 с.
- Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб.: Тип. «Общая польза», 1905. 270, 120 с.
- Списки населенных мест Российской империи. Т. 24: Московская губерния по сведениям 1859 года. СПб.: Центр. статист. комиссия, 1862. 264 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азбелев С. Н. Былины: Новые книги // Русский фольклор: Проблемы «Свода русского фольклора» / Отв. ред. А. А. Горелов. Л.: Наука, 1977. Т. 17. С. 176–184.
- Аникин В. П. Об историческом изучении былин // Русская литература. 1984. № 1. С. 105–119.
- Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX – начала XX в. М.: Наука, 1975. 113 с.

4. Иванова Т. Г. Заонежская былинная традиция и проблема географического распространения былин // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения-95»: Сб. докладов. Петрозаводск, 1997. С. 82–91.
5. Иванова Т. Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследования и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 454 с.
6. Иванова Т. Г. «Большие» и «малые» метрополии севернорусской былинной традиции // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике – проблемы и перспективы: Сб. науч. статей. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2015. С. 11–21.
7. Неклюдов С. Ю. Время и пространство в былине // Славянский фольклор. М.: Наука, 1972. С. 18–45.
8. Рыбаков Б. А. Русский эпос и исторический нигилизм // Русская литература. 1985. № 1. С. 155–160.
9. Соймонов А. Д. П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л.: Наука, 1971. 360 с.
10. Чистов К. В. Былина «Рахта Рагнозерский» и предание о Рахкое из Рагнозера // Славянская филология: Сборник статей / Редкол. В. В. Виноградов. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 3. С. 358–388. (IV Международный съезд славистов).

Поступила в редакцию 20.10.2023; принята к публикации 15.05.2024

Original article

Tatiana G. Ivanova, Dr. Sc. (Philology), Chief Researcher,
Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
tgivanova@inbox.ru

THE IMAGE OF MOSCOW IN RUSSIAN EPICS AND THE EPIC TRADITION OF THE MOSCOW REGION

Abstract. The central locus in Russian epics, to which all the heroes strive, is known to be Kiev, while Moscow occupies a peripheral place in the epic space. Nevertheless, according to the indexes of geographical names in the volumes of the “Epics” series of the Corpus of Russian Folklore, this toponym still holds a significant place, albeit not as central as Kiev. The purpose of this article is to comprehensively describe the role of Moscow in the epics, which has not yet been the subject of special consideration in folklore studies. It is noted that within the song-epic tradition there are late plots in which the conflict develops not in the Kiev space, but in the Moscow one (“Arrival of the Lithuanians”, “Rakhta Ragnozersky”). The study also delves into the attempts found in some texts to fit classical epic plots into the “Moscow era”. Similarly, Russian epic studies do not have a systematic understanding of the few recordings of epic songs from the Moscow region, which has never received much attention from folklorists. The epic tradition of the Moscow region is viewed in this study as being secondary to the epics of Vladimir-Suzdal Rus. It is noted that in this region epics were primarily recorded in cities (such as Moscow and Kolomna) rather than in villages, with the epic tradition being carried by urban middle-class citizens rather than peasants.

Key words: Moscow, epics, epic metropolises, Moscow region, epics’ records

For citation: Ivanova, T. G. The image of Moscow in Russian epics and the epic tradition of the Moscow region. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):100–112. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1064

REFERENCES

1. Azbelev, S. N. Bylinas: New books. *Russian folklore: Problems of the “Corpus of Russian Folklore”*. (A. A. Gorelov, Ed.). Leningrad, 1977. Vol. 17. P. 176–184. (In Russ.)
2. Anikin, V. P. Concerning the historical study of bylinas. *Russian Literature*. 1984;1:105–119. (In Russ.)
3. Dmitrieva, S. I. Geographical distribution of Russian bylinas according to materials from the late XIX and the early XX centuries. Moscow, 1975. 113 p. (In Russ.)
4. Ivanova, T. G. Zaonezhye epic tradition and the problem of geographical distribution of bylinas. *Ryabinin Readings – 95: Proceedings of the international research conference on the problems of studying, preserving, and actualizing the folk culture of the Russian North*. Petrozavodsk, 1997. P. 82–91. (In Russ.)
5. Ivanova, T. G. “Small” centers of the northern Russian epic tradition: Researches and texts. St. Petersburg, 2001. 454 p. (In Russ.)
6. Ivanova, T. G. “Big” and “small” metropolises of the northern Russian epic tradition. *Regional studies in folkloristics and ethno-linguistics – problems and prospects: Collection of research articles*. Moscow, 2015. P. 11–21. (In Russ.)
7. Neklyudov, S. Yu. Time and space in bylina. *Slavic folklore*. Moscow, 1972. P. 18–45. (In Russ.)
8. Rybakov, B. A. Russian epics and historical nihilism. *Russian Literature*. 1985;1:155–160. (In Russ.)
9. Soyumov, A. D. P. V. Kireevsky and his collection of folk songs. Leningrad, 1971. 360 p. (In Russ.)
10. Chistov, K. V. Bylina “Rakhta Ragnozersky” and the legend about Rakhkoy from Ragnozero. *Slavic philology: Collection of articles*. (V. V. Vinogradov, Ed.). Moscow, 1958. Vol. 3. P. 358–388 (IV International Congress of Slavists). (In Russ.)

Received: 20 October 2023; accepted: 15 May 2024